

смотря на видимое противорѣчіе. Живущему дѣйствительною жизнью,—а не мыслью лишь, какъ Толстой,—солдату этому не разъ, вѣроятно, приходилось наталкиваться на такія же противорѣчія, и противорѣчивое, повидимому, рѣшеніе приводило какъ разъ къ тому, отъ чего оно, казалось, отклоняло. Прямолинейныя же рѣшенія часто заводятъ въ такія дебри, изъ которыхъ и не выдерешься. И Толстой только другихъ приглашаетъ слѣдовать своимъ прямолинейнымъ рѣшеніямъ, самъ же онъ ими не руководствуется. Толстой въ этомъ случаѣ полнѣйшій, можно сказать, альтруистъ. Употребленіе меча, которымъ совершается убійство, освящено (не для убійства, не для нападенія, а для защиты, и не себя, но отечества и близкихъ намъ) собственными словами Христа, сказавшаго своимъ ученикамъ: „не думайте, что я пришелъ принести миръ на землю, не миръ пришелъ я принести, но мечъ. (Матѣ. X, 34.) Эти слова нельзя, конечно, понимать такъ, что Христосъ измѣнилъ миссію, для которой пришелъ, и, вмѣсто мира и любви, принесъ только мечъ и раздоръ на землю; нельзя видѣть въ этихъ словахъ и отчаянія, признанія, что миссія Его оказывается неисполнимою, что пришествіе Его на землю останется безплоднымъ; такъ понять эти слова—значитъ отказаться отъ Христа, перестать быть христіаниномъ. Христіанинъ же вѣритъ *что мечъ*, принесенный Христомъ на землю, отъ употребленія котораго при существующихъ условіяхъ не могутъ отказаться и христіане, *что самый раздоръ*, возбуждаемый ученіемъ Христа,—въ которомъ христіане не только принимаютъ участіе, но и сами, будучи тою закваскою, отъ которой вскисаетъ все тѣсто, являются тѣмъ, что возбуждаетъ этотъ раздоръ укажетъ, наконецъ, путь, способъ, къ осуществленію мира, къ водворенію любви между людьми. *)

*) Точно также и въ словахъ Спасителя—„*Силь человеческій, приидеъ. найдетъ ли ору на землѣ*“ (Лука. XVIII, 8)—нельзя видѣть предсказанія, что ко второму пришествію вѣры на землѣ уже совсѣмъ не будетъ. Если не будетъ вѣры, не будетъ, слѣдовательно, и мира на землѣ, не будетъ и любви между людьми, т. е. земная жизнь и ко второму пришествію Господа останется такою же, какою она была и до перваго Его пришествія, и даже станетъ еще худшею. Но въ такомъ случаѣ окажется, что пришедшій водворитъ миръ и любовь на землѣ, ничего этого не совершилъ, пришедшій спасти людей отъ грѣха, проклятія и смерти, ни отъ чего насъ не спасетъ!. Если же при этомъ и воскреснутъ мертвые, то это будетъ воскресеніе не благодати, а гнѣва, и при томъ столь безбѣрнаго, что большинство изъ вокрешенныхъ только для того и воскреснутъ, чтобы быть преданными казни, несравненно болѣе тяжкой, чѣмъ смертная казнь, которую они къ тому же и понесли уже. Но какъ согласить такое пониманіе христіанства съ милосердіемъ Божіимъ, съ тѣмъ, что Христосъ приходилъ спасти не праведниковъ, а грѣшниковъ, что на небесахъ болѣе радости будетъ объ одномъ грѣшникѣ, кающемся, нежели о 99 праведникахъ, не имѣющихъ нужды въ покаяніи; какъ согласить это съ притчею объ оставленіи 99 овецъ въ пустынь, чтобы идти „за пропавшею, пока не найдетъ ея;“ и съ притчею объ одной потерянной драхмѣ и проч. Кажлая погибшая душа столь же драгоцѣнна, какъ и цѣлый міръ, а потому гибель хотя бы одной души будетъ свидѣтельствовать, что миссія Христа не исполнена. Зачѣмъ же онъ приходилъ? Неужели только для того, чтобы увеличить наши страданія? Необходимо замѣтить, что предсказаніе о грядущемъ бѣдствіи, какъ страшный судъ, будетъ имѣть спасительное дѣйствіе въ томъ, лишь случаѣ, если указывается и возможность избѣжать это бѣдствіе, если же оно неизбежно, какимъ и признатся страшный судъ, то предсказаніе о такомъ бѣдствіи только безмѣрно и безъ всякой нужды увеличиваетъ наши страданія. Впрочемъ признавать страшный Судъ неизбежнымъ, безусловнымъ, значитъ противорѣчить собственнымъ словамъ Христа—„и на судъ не придегъ, но перейдетъ отъ смерти въ живость“ (Іоан. V, 24-й). Думать же, будто возможно спасеніе, не смотря на гибель другихъ, не смотря на гибель нашихъ отцовъ и братій,—это значитъ считать спасшихся не имѣющими любви, считать спасеніе возможнымъ для неисполнившихъ главнѣйшей